

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ, ОСОБЕННОСТЯХ
И ФОРМАХ ПРОЯВЛЕНИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

V.N. Shevchenko

**TO THE QUESTION ABOUT THE SOURCES,
CHARACTERISTICS AND FORMS OF MANIFESTATION
OF COLLABORATIONISM DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Статья посвящена рассмотрению ключевых вопросов в становлении и развитии коллаборационистского движения в СССР в годы Великой Отечественной войны. Автор выявляет причины и исторические корни данного феномена в советском обществе. Объединяющим началом проявления разнообразных форм коллаборационизма среди различных социальных, этнических, религиозных групп и слоев советского общества в предвоенные и военные годы являлся антикоммунизм и мелкобуржуазный национализм. Они тесным образом сочетались со всеобщей русофобией, которая прививалась многие сотни лет среди вошедших незадолго до войны в состав СССР народов Прибалтики (литовцев, латышей, эстонцев) и западных областей Украины и Белоруссии. Территории народов Западной Украины и Белоруссии более 700 лет находились на положении фактических колоний соседних государств, прежде всего Польши, и являлись нередко плацдармом для проведения агрессивных действий против советской России, а сами эти народы подвергались длительному идеологическому воздействию в духе презрения и ненависти к русскому народу. Автор рассматривает основные формы, направления и результаты сотрудничества местных националистов на почве коллаборационизма с немецкими оккупантами. Основное внимание уделяется рассмотрению вопросов военного сотрудничества с оккупантами, создания воинских частей, которые формировались главным образом из числа военнопленных Красной армии, а также частично из гражданских лиц, добровольно или вынужденно перешедших на сторону врага. Выявляются причины массовых отказов и дезертирства из рядов Красной армии, в первую очередь из числа советских граждан – призывников и военнослужащих, а также принимаемые меры против проявления коллаборационизма и отношение верхушки политического руководства Германии и командования вермахта на их использование на разных этапах войны. Приводятся данные о количественном и национальном составе коллаборационистских воинских формирований.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, коллаборационизм, дезертирство, предательство, «хиви», национальные воинские формирования, вермахт, войска СС.

The study is devoted to the consideration of key issues in the formation and development of the collaborationist movement in the USSR during the Great Patriotic War. The causes and historical roots of this phenomenon in Soviet society are identified. Uniting beginning of manifestation of various forms of collaboration among various social, ethnic, religious groups and layers of the Soviet society in prewar and war years were anticommunism and petty-bourgeois nationalism. Anti-communism and petty-bourgeois nationalism were unifying beginning of the manifestation of various forms of manifestation of collaborationism among various social, ethnic, religious groups and strata of Soviet society in the prewar and war years. They were closely combined with general rusophobia which took root many hundreds of years among first of all the people of Baltic which were shortly before war a part of the USSR (Lithuanians, Latvians and Estonians) and western areas of the Ukraine and Belarus. For more than 700 years the territories of the peoples of Western Ukraine and Belarus were in the position of actually colonies of neighboring states, primarily Poland, and were often a springboard for carrying out aggressive actions against Soviet Russia, and these peoples themselves were subjected to long-term ideological influence in the spirit of contempt and hatred of the Russian people. The main forms, directions and results of cooperation of local nationalists on the basis of collaboration with the German invaders were examined. The main attention was paid to the consideration of issues of military cooperation with the invaders, the creation of military units, formed mainly from among the prisoners of war of the Red Army, as well as partially and civilians who voluntarily or forcedly went over to the side of the enemy. The reasons for mass refusals and desertions from the ranks of the Red Army, primarily from among Soviet citizens – conscripts and military personnel, as well as measures taken against the manifestation of collaboration, and the attitude of the top political leadership of Germany and Wehrmacht command to their use at different stages of the war were revealed. The data on quantitative and national composition of the collaborationist military formations were provided.

Keywords: Great Patriotic war, collaborationism, desertion, betrayal, "Jivi", national military forces, Wehrmacht, SS waffen.

Тема коллаборационизма, предательства и сотрудничества советских граждан с немецкими оккупантами в годы Великой Отечественной войны сегодня со всей остротой встала на постсоветском пространстве.

Коллаборационизм во многих странах бывшего Советского государства возводится в ранг приоритетных направлений государственной политики, а лица, предававшие национальные интересы, героизируются как борцы с кровавым сталинским режимом. То, что не удалось сделать с помощью военной силы внешнего врага, с успехом реализуется руками последователей коллаборационистов военного времени. Поэтому дальнейшее изучение сути и содержания коллаборационизма во всех его проявлениях на территории СССР в годы войны дает возможность глубже понять корни его проявления и процветания в ряде стран постсоветского пространства, часто выступающих под знаменами либерализма, плюрализма и других атрибутов современной западной демократии.

Измена Родине, сотрудничество с оккупантами и предательство национальных интересов своей страны в силу разных причин и обстоятельств в истории войн являлись далеко не редкостным явлением. Проявление коллаборационизма во время Второй мировой войны имело место в разнообразных формах и практически во всех оккупированных фашистской Германией европейских странах. Не стал в этом исключением и Советский Союз, с его сложной многонациональной, социальной и конфессиональной структурой. СССР был отнюдь не монолитной и однородной державой. Война вскрыла все противоречия сталинского режима, раздиравшие советское общество. Проводимые часто насильственными методами в экономической, социальной и духовной сферах общества преобразования в сочетании с проводимыми репрессиями оставляли глубокий негативный след в жизнедеятельности советских людей.

Начало Великой Отечественной войны вызвало мощный подъем патриотических настроений в советском обществе. С первых дней войны тысячи и сотни тысяч советских граждан разного пола, возраста, национальностей, часто непризывного возраста, не дожидаясь повесток из военных комиссариатов, добровольно изъявляли желание идти на фронт. По далеко не полным данным за 1941–1945 гг. в военные, партийные и советские органы было подано более 20 млн заявлений с просьбой о зачислении в действующую армию [1].

Однако далеко не все было так однозначно. В то же время приобрело масштабный характер уклонение от призыва в армию и дезертирство. В условиях стремительного продвижения врага в глубь страны в 1941 г. определенная часть призывников и военнообязанных, прежде всего в западных областях страны, не успевали прибывать к месту службы и чаще всего попадали в плен, становясь дезертирами и уклонистами поневоле. Однако немало находилось среди них и таких граждан, которые по идейным, религиозным и иным соображениям не только не желали участвовать в обороне страны, но и встали на путь прямого уклонения от призыва в армию, дезертировали из рядов Красной армии, сдавались в плен и добровольно изъявляли желание сотрудничать с захватчи-

ками. По данным Д. Дегтева и И. Зефирова, численность дезертиров за годы войны превысила 1,7 млн человек [2]. Характерно, что этот процесс проявился в первую очередь среди представителей национальных меньшинств, в наибольшей степени охваченных национализмом и эфемерной идеей самоопределения и самостоятельности.

Истоки проявления коллаборационизма среди народов, вошедших незадолго до начала войны в состав СССР, кроются в их историческом прошлом. Современные страны Балтии, которые, кроме Литвы, вплоть до начала XX в. не имели своей государственности, стремились получить ее под патронатом более крупных государств, близких им по культуре и ментальности. Так, появление лимитрофных государств на берегах Балтики связано с революцией в России 1917 г. и подавлением установившейся в них советской власти с помощью немецких штыков «железной» дивизии генерала фон дер Гольца. Она огнем и мечом прошла по территории Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии, подавляя в этих странах революционное движение. После поражения Германии в Первой мировой войне и подписания ею униженного Версальского договора немецкие вооруженные силы были вынуждены покинуть территории вновь образованных суверенных государств, сохраняя при этом значительное влияние на проводимую ими политику. Вхождение этих государств в 1940 г. в состав СССР первоначально приветствовалось большинством населения этих стран. Однако социально-экономические и политические преобразования, часто проводимые без учета местных условий (национализация всей промышленности, создание колхозов и др.), а также нередко необоснованные репрессии и депортация «социально чуждых и враждебных элементов» способствовали смене доброжелательного отношения к советской власти. Эти отношения все чаще перерастали просто во враждебные к новой власти, которые нередко переносились на всех русских людей, перерастали в «русофобию».

Население западных областей Украины (Галиция) и Белоруссии длительное время находилось под властью Польши и Австро-Венгрии, ведя многовековую борьбу за свободу. После революции 1917 г. в России и развала Австро-Венгерской империи в 1918 г. на территории Западной Украины образовалась Украинская народная республика, которая вела независимую политику от часто менявшейся власти в Киеве. В начавшейся войне за независимость от панской Польши Украинская народная армия потерпела военное поражение, а ее остатки перешли границу с РСФСР. Большевики крайне подозрительно отнеслись к царившим в ней националистическим настроениям среди бойцов и командиров этой армии. Вернувшись на родину после поражения Красной армии в войне с Польшей в 1920 г., они стали вести упорную борьбу с Польшей, используя главным образом террористические методы. В этой борьбе верхушка националистов в Галиции – Коновалец, Мельник, Бандера и др., несмотря на раздираемые их внутренние противоречия, объединились и

в 1929 г. создали организацию украинских националистов (ОУН), все больше стали ориентироваться на Германию. После прихода к власти в 1933 г. А. Гитлера нацистское руководство стремилось использовать украинских националистов в борьбе с СССР, обещая им дать «призрачную самостоятельность» под эгидой Германии. Фактически националистическое руководство находилось под контролем Германии и на иждивении специальных органов абвера (военная разведка) и гестапо (тайная политическая полиция) Германии, выполняя шпионско-диверсионные задания. Сформированные из числа украинских националистов ударные диверсионные отряды с первых часов войны шли в авангарде немецких войск. После оккупации территории Западной Украины националисты с благословения немцев стали формировать из местного населения отряды так называемой Украинской повстанческой армии (УПА), которые использовались главным образом для борьбы с партизанами и проведения карательных операций против мирного населения.

Питательной средой, теоретической основой коллаборационизма в русской среде служили идеология антикоммунизма, ненависть к социализму и советскому строю. Социальной базой этого движения являлись круги белой эмиграции, участники «белого» движения и различных бандформирований, раскулаченные, бывшие нэпманы и просто уголовные элементы, находившиеся внутри страны. Все они в той или иной степени были «обижены» советской властью и ненавидели сталинский режим. Не имея широкой опоры в советском обществе, они возлагали все надежды на мощь германской военной машины и слабость Красной Армии, разобщенность советского народа.

Проявления коллаборационистских устремлений наблюдались и у ряда восточных народов – Кавказа и Закавказья, Средней Азии. Основой для проявления недовольства народов, проживавших на этих территориях, являлась резкая ломка коренных устоев жизни в советский период, стойкое проявление ненависти в их памяти на «колониальное» завоевание их русскими, межконфессиональные противоречия. Гитлеровское руководство умело использовало здесь ошибки советской власти в национальном вопросе, нередко используя идею борьбы против так называемого «великодержавного русского шовинизма» и эксплуатируя стремление народов к созданию национальных независимых государств. Это возымело воздействие на значительную часть этих народов. Действенной формой проявления коллаборационизма здесь стал массовый отказ от призыва в армию, дезертирство и разрастание повстанческого движения. Активизация повстанческого движения осенью 1941 г. в Чечено-Ингушской АССР вынудила советское правительство в апреле 1942 г. отменить призыв в действующую армию чеченцев и ингушей. В 1944 г. была упразднена Чечено-Ингушская АССР, а ее население депортировано в Сибирь и Казахстан. Массовый отказ от призыва, дезертирство и переход на сторону врага значительной части красноармейцев

кавказских национальностей заставил руководителей страны отказаться от мобилизации в действующую армию призывников с Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии и направлять их в тыл, на трудовой фронт.

Аналогичные меры были предприняты правительством страны в 1944 г. против проявления коллаборационизма и сотрудничества с оккупантами коренного населения Крыма и Калмыкии. Крымско-татарская автономная область и Калмыцкая АССР лишались прав автономий и прекращали свое существование, а их территории либо присоединялись к соседней Сталинградской области (Калмыкия), либо снижался статус до рядового субъекта в составе РСФСР (Крымская область), а крымско-татарское население и калмыки были депортированы и переселены в Сибирь и Казахстан.

Основными направлениями проявлений коллаборационизма на оккупированной врагом территории являлись:

1. *Политический коллаборационизм* – имел своей целью установление взаимодействия между захватчиками и местным населением на идейной основе национал-социализма, которая провозглашала исключительное право Германии на мировое господство.

2. *Административный тип коллаборационизма* – ставил своей задачей создание новых органов власти и привлечение к участию в управлении хозяйством специалистов из числа местных жителей под контролем захватчиков.

3. *Экономический тип коллаборационизма* – имел в виду грабеж национального богатства и использование оставшихся на оккупированной территории предприятий различных отраслей экономики в интересах врага.

4. *Военный коллаборационизм* – провозглашал формирование воинских частей для службы в вермахте, а также в полицейских и карательных подразделениях из числа местных жителей под немецким руководством.

Кроме вышперечисленных направлений коллаборационистами велась активно пропагандистско-агитационная деятельность, имевшая целью установление доброжелательных отношений между оккупантами и местным населением, отвлечение его от участия в преступной деятельности по сопротивлению оккупантам, создание позитивного образа захватчиков как освободителей от кровавого сталинского режима. Советские граждане, проживавшие на завоеванной врагом территории, оказались под сильным силовым и моральным давлением оккупационного режима. Потеря привычных социальных и морально-нравственных ориентиров толкало значительную часть из них добровольно или вынужденно вставать на путь сотрудничества с фашистским режимом в тех или иных формах.

Среди советских граждан, добровольно вставших на путь коллаборационизма, выделялся слой людей, подвергавшихся репрессиям в годы коллективизации, участников белогвардейского движения и различных бандитских формирований. Немецкое руководство выделяло ряд категорий советских граждан, которых можно было использовать в своих целях. Среди них выделялись тюркские народы и казаки, которые рассматривались как равноправные союзники. К ним относили выходцев из Средней Азии, донских и кубанских казаков, представителей крымско-татарского народа. Гражданские лица, используемые на дорожно-строительных и фортификационных работах, добровольцы из числа гражданских лиц и освобожденных из числа военнопленных действовали при германских частях в качестве вспомогательного персонала, используемого для нужд армии и на хозяйственных работах. Добровольцы из числа местных гражданских лиц использовались также и для несения полицейской службы. Добровольцы и освобожденные военнопленные из числа местных жителей по большей мере использовались в охранных подразделениях для обеспечения порядка и борьбы с партизанами.

Неудачное начало войны привело к огромным людским потерям и оккупации значительной части территории СССР, что не могло не сказаться на морально-политическом и боевом состоянии бойцов и командиров Красной армии. Уже в первые месяцы войны неудачи на фронте боевых действий из-за отсутствия должного руководства войсками приводили к тому, что в рядах Красной армии стали проявляться пораженческие настроения, паника, многочисленные факты дезертирства и добровольного перехода на сторону врага. Так, по данным командования 15-й железнодорожной бригады, во время бомбежки при эвакуации складов в г. Ровно было потеряно до 40 % личного состава. Однако проверкой было установлено, что бригада безвозвратно потеряла только 10 человек, а остальные просто разбежались. В 26-й армии за период боев с 22 июня по 1 июля 1941 г. было потеряно убитыми 391 человек, ранеными – 953, пропавшими без вести – 772, а разбежалось приписного состава до 4000 человек, главным образом из западных областей УССР. В частях 6-го стрелкового корпуса за время боев с 24 июня по 1 июля 1941 г. было задержано дезертиров и возвращено на фронт до 5000 человек [3].

Основной причиной перехода на службу к немцам были не политические мотивы, а стремление красноармейцев выжить любой ценой в ужасных условиях содержания в концлагерях для советских военнопленных, на которые не распространялось действие не подписанной Советским Союзом Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными». Другой причиной, негативно сказавшейся на моральном состоянии красноармейцев, был приказ № 270 от 16 августа 1941 г. «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставлении врагу оружия». И. Сталину приписывали слова: «В Красной армии нет пленных,

есть предатели». Военнопленным, вступавшим на путь предательства, обещали хорошие жизненные условия, питание и денежное довольствие, разнообразные льготы наравне с немецкими солдатами.

Дезертирство и массовый добровольный переход к немцам совершались не только отдельными красноармейцами, но и целыми подразделениями. Особенно это было характерно для воинских частей, сформированных по национальному признаку, которые оказались неустойчивыми уже в первых боях с немцами. Многочисленные факты массового перехода на сторону немцев привели к тому, что уже в первые недели и месяцы войны фактически перестали существовать воинские формирования из числа вошедших в состав Красной армии после присоединения к СССР стран Прибалтики. Характерно, что дезертировавшие и перешедшие на сторону немцев военнослужащие из числа немцев Поволжья, прибалтийских стран и Западной Украины в большинстве своем уже в конце июля 1941 г. специальным приказом по сухопутным войскам вермахта стали освобождаться от содержания в лагерях для военнопленных. Одной из основных причин такой доброты немецкого командования явилось то, что в вермахте не ожидали поступления такого количества военнопленных и оказались не в состоянии их содержать. По немецким данным, только за первые полгода войны было захвачено свыше 3,9 млн советских военнопленных, из которых к началу 1942 г. осталось в живых всего 1,1 млн человек. Общее количество взятых в плен красноармейцев за годы войны составляет от 5,2 млн до 5,7 млн человек, включая лиц, не входивших в состав Красной армии (партизан, призывников и других категорий гражданских лиц). Из общего количества взятых в плен красноармейцев за первые полгода войны 318,8 тысяч человек было освобождено из лагерей, а всего до мая 1944 г. из немецкого плена было освобождено 823,2 тысяч человек [4]. Характерно, что если в первое время пленных красноармейцев освобождали из лагерей без всяких обязательств с их стороны, то впоследствии этот процесс стал сопровождаться принятием ими обязательства добровольно вступать во вспомогательные службы, формирования вермахта, местную полицию.

Коллаборационистское движение невозможно рассматривать отдельно от немецких вооруженных сил и специальных формирований. Используя их как вспомогательные силы, это движение подразделялось в зависимости от назначения, на ряд категорий:

1. Вспомогательные и специальные формирования (добровольные строительные, хозяйственные, транспортные и иные формирования).
2. Формирования полицейского характера, в обязанности которых входила проверка документов, охрана тюрем, концлагерей, промышленных и сельскохозяйственных объектов. Для борьбы с партизанами и уничтожения лояльных к ним местных жителей создавались специальные карательные батальоны.

3. Фронтовые формирования в составе вермахта и войск СС, выполнявшие первоначально вспомогательные функции, ставшие впоследствии самостоятельными воинскими частями.

4. Разведывательно-диверсионные формирования (спецшколы) под руководством немецких специалистов из спецслужб (абвера, СД), занимавшиеся подготовкой диверсантов и разведчиков для действий в тылу Красной армии.

На начальном этапе войны оккупанты не предполагали использовать советских граждан в военных целях. Политическое руководство рейха и сам А. Гитлер явно не одобряли привлечение к военному сотрудничеству бывших советских военнослужащих. Официальная позиция нацистского руководства в отношении советских военнопленных была однозначной – они подлежали уничтожению. Характерно, что запрещая формирование в составе вермахта частей из советских военнопленных, А. Гитлер, как исключение, разрешал использовать военнопленных из числа туркестанских, северокавказских, грузинских, армянских, азербайджанских и татарских народов. Однако, невзирая на неодобрительное отношение нацистского руководства к привлечению бывших советских военнослужащих к сотрудничеству, ряд крупных военачальников на Восточном фронте уже в конце лета 1941 г. стали формировать на добровольной основе отдельные подразделения из числа прибалтийских народов и западных украинцев в составе немецких воинских частей и под их непосредственным руководством. Так, на Западном фронте зимой 1941 г. в составе немецких войск и под руководством немецких офицеров действовал пехотный полк, на 75 % состоявший из украинцев, перешедших на сторону врага [5].

С весны 1942 г. началось официальное формирование в составе германских соединений вспомогательных подразделений из числа советских граждан. К концу 1942 г. добровольные помощники, получившие название «хиви», имелись во многих немецких частях. К лету 1943 г. на фронте и в тыловых частях вермахта насчитывался 1 полк, 72 батальона, 122 роты [6]. Первоначально бывших военнопленных использовали как ездовых, шоферов, портных, кузнецов. Кроме того, в каждом немецком пехотном полку формировались саперные роты, в которых из расчета на 100 добровольцев имелось только 10 немцев [7]. По подсчетам В. Пережогина, в среднем на одну немецкую пехотную дивизию приходилось до 10 % добровольцев («хиви»), а в транспортных колоннах «хиви» составляли до 50 % численного состава. К началу 1943 г. в вермахте находилось до 40 тысяч таких «хиви» [8]. Общее же количество добровольных помощников вспомогательных служб в немецкой армии за период войны насчитывалось свыше 700 тысяч человек, в том числе в сухопутных войсках – 600 тыс. человек, в люфтваффе (авиации) – до 50–60 тыс. человек, в военно-морском флоте – свыше 15 тыс. чело-

век [9]. Так называемые «хиви» составляли большую часть советских военных коллаборационистов, поступивших на службу немцам.

В конце июля 1941 г. на территории Литвы, Латвии и Эстонии начали формироваться специальные охранные батальоны, которые должны были заменить немецкие войска в тылу, а также для использования их на фронте. С начала 1942 г. эти батальоны уже наравне с немцами сражались на передовой линии. Впоследствии на основе охранных батальонов стали формироваться отборные воинские части «Ваффен СС».

Создание и использование воинских формирований из числа советских военнопленных в рядах вермахта преследовало ряд целей. Во-первых, давало возможность экономить живую силу в вермахте, который к весне 1942 г. потерял почти одну третью часть первоначального состава; во-вторых, наличие в рядах вермахта бойцов, хорошо знающих советские условия и военные приемы противника, повышало боевые качества вермахта. Наконец, наличие в рядах вермахта перебежчиков из Красной армии и имевших родственников на оккупированной немцами территории позволяло завоевать лояльное отношение местного населения.

Формирование восточных войск из числа местных жителей и перебежчиков на начальном этапе немецкое руководство пыталось осуществить на добровольной основе. В лагеря для военнопленных прибывали вербовщики из числа белоэмигрантов, разного рода националистов и предателей из числа бывших кадровых военнослужащих Красной армии, которые побуждали военнослужащих по разным причинам добровольно вступить на службу в германскую армию. Однако таких добровольцев, как правило, не хватало до установленных штатных норм воинских формирований. И тогда вступал в действие метод кнута: шантаж, побои, истязания голодом. Недостаток при наборе добровольцев из числа военнопленных восполнялся мобилизацией гражданских лиц призывного возраста из числа местных жителей, которые встали перед дилеммой: либо служба у немцев, либо перспектива быть угнанным на каторжные работы в Германию. Критерием отбора пополнения из числа гражданских лиц являлась их физическая годность к несению строевой службы.

Разгром под Сталинградом и переход к политике «тотальной войны» сказались на расширении масштабов использования ресурсов оккупированных территорий. Одним из направлений стало форсированное формирование на национальной основе крупных воинских соединений в составе вермахта. Характерно, что в 1943 г. началось формирование элитных частей СС из числа местных коллаборационистов, главным образом из лиц нерусской национальности. Путем вербовки добровольцев в странах Прибалтики и в Западной Украине, среди тюркских народов Средней Азии удалось сформировать четыре гренадерских дивизии СС:

14-ю дивизию СС «Галичина» из украинцев, 15-ю и 19-ю дивизии СС из латышей и 20-ю дивизию СС из эстонцев [10].

Несколько позднее на базе подразделений Туркестанского легиона была сформирована Восточно-тюркская дивизия СС. Характерно, что только после тяжелых поражений и потерь на Восточном фронте нацистское руководство разрешило представителям из славянских народов служить в элитных войсках «Ваффен СС».

В это же время из разрозненных формирований началось интенсивное формирование следующих крупных воинских частей и соединений из числа русскоязычных граждан страны: Русская национальная народная армия (РННА), Русская освободительная армия (РОА), Казачий стан генерала Т.Н. Долманова, 1-й русский казачий корпус, казачья группа (бригада) А.В. Турчина, 15-й казачий кавалерийский корпус под руководством немецкого генерала Г. Панвица и др.

Точно установить количество воинских формирований и их численный состав в условиях боевых действий не представляется возможным. Так, по далеко не полным немецким данным, общая численность восточных войск к февралю 1944 г. составляла 750 тыс. человек, в том числе 250 тыс. человек в строевых формированиях, принимавших участие в боевых действиях против Красной армии и партизан [11].

По данным М.И. Семиряки, было создано 180 воинских формирований, состоявших из советских граждан. В их числе насчитывалось 75 воинских формирований из русских; 42 – туркестанских и татарских; 21 – казаков (донских, кубанских, терских); 11 – грузинских; 12 – народов Северного Кавказа; 13 – азербайджанских, 8 – армянских. Общая численность этих формирований, без учета славянских воинских частей, на январь 1945 г. определялась в 104 тыс. человек латышей; 36,8 тыс. литовцев; 10 тыс. эстонцев; 36,5 тыс. азербайджанцев; 19 тыс. грузин; 15 тыс. из числа народов Северного Кавказа; 12,5 тыс. поволжских татар; 10 тыс. крымских татар; 7 тыс. армян, 5 тыс. калмыков [12].

Несколько иные данные по национальному составу приводит К.М. Александров. Так, общая численность восточных войск по национальному составу, без учета латышских, эстонских легионеров и литовских добровольцев, им была определена следующим образом: русские составляли 310 тыс. человек; украинцы – 250 тыс.; казаки – 53 тыс.; народы Северного Кавказа – 110 тыс.; волжские татары – 40 тыс.; крымские татары – 20 тыс.; тюрки (народы Средней Азии) – 180 тыс.; калмыки – 5 тыс. человек [13].

С.И. Дробязко, основываясь на зарубежных данных (немецких), определяет следующую численность по национальному составу коллаборационистских воинских формирований: туркестанские и кавказские части – 150 тыс. человек; казачьи части – 55 тыс.; восточные батальоны – 80 тыс.; вспомогательная полиция – 70 тыс.; добровольные вспомогательные службы в вермахте и войсках СС – 500–675 тыс. человек [14].

Таким образом, опираясь на разные источники и методику подсчета, по далеко не полным и часто противоречивым данным, численность советских граждан, служивших с оружием в руках на стороне немецких захватчиков, по мнению большинства исследователей, составляла от 1 до 1,5 млн человек. Как видно из приведенных выше данных, подавляющее большинство военных коллаборационистов составляли выходцы из регионов, только перед войной вошедших в состав СССР, а также представителей народов национальных меньшинств – Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Поволжья и Крыма.

Как показала практика, некоторые сформированные восточные войска из народов Советского Союза, прежде всего русских, оказались неустойчивыми на фронте и в борьбе с партизанским движением, нередко сдавались в плен или переходили на сторону партизан как в одиночку, так и целыми подразделениями. Особенно этот процесс разложения проявил себя после поражения немецких войск под Сталинградом и на Курской дуге. Показательным примером тому служит судьба сформированной в мае 1943 г. из русских военнопленных бригады СС численностью до 3 тыс. человек во главе с бывшим полковником Красной армии В. Гилем, взявшим псевдоним Родионов. Участвуя в антипартизанских операциях, многие ее солдаты получили такие уроки, которые заставили их призадуматься о своих действиях и о своей судьбе. С «благословения» ее командира стали устанавливаться связи с партизанами с целью перехода на их сторону. Получив гарантию амнистии, бойцы бригады во главе с ее командиром В. Гилем-Родионовым, уничтожив немецкий штаб и тех офицеров, которые оставались верными немцам, почти в полном составе в августе 1943 г. перешли к партизанам. Позднее командир бригады за совершенные подвиги был награжден советским орденом.

Видя все возрастающую ненадежность восточных формирований, усиливающееся дезертирство на фронте и переход некоторых из них к партизанам, Гитлер принял решение о разоружении личного состава и отправке их в Германию на работу в промышленности (на шахты). Однако, учитывая все возрастающие трудности немецкой армии на Восточном фронте, немецкие генералы убедили А. Гитлера отменить свое решение. С октября 1943 г. началась переброска восточных батальонов на запад в оккупированные страны, прежде всего во Францию, а также Югославию, где разворачивалось национально-освободительное движение, для борьбы с партизанским движением Сопротивления. Что касается воинских формирований из числа ярых националистов, доказавших свою преданность нацистской Германии, то после изгнания захватчиков с советской территории подавляющее большинство из них стали вести партизанские действия против Красной армии и применять террор против местного населения.

Великая Отечественная война стала суровым испытанием для народов бывшего Советского Союза. Военно-политический коллабора-

ционизм на оккупированной территории СССР был не случайным явлением, а являлся неизбежной реакцией части населения на ряд имевшихся в стране противоречий политического, экономического, национального и религиозного характера, следствием господствующего в обществе тоталитарного режима, что порождало недовольство определенной части населения и толкало на путь сотрудничества с оккупантами. Нацистское руководство Германии пыталось в полной мере использовать сложившуюся в стране сложную ситуацию. Однако подавляющая часть населения СССР видела в немецких захватчиках и примкнувших к ним пособниках оккупантов, смертельных врагов и предателей Родины, часто рядившихся в одежды борцов со сталинским режимом. Подавляющая часть людей вступили на путь коллаборационизма по принуждению (прежде всего военнопленные). Значительную прослойку составляли добровольцы (предатели, сознательно перешедшие на сторону врага). Относительно небольшой, но чрезвычайно активный процент составляли ярые националисты разных направлений, объединенных общей идеей борьбы с коммунистической идеологией и русофобией.

Литература

1. *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту. О патриотическом движении советского народа в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1985. С. 26.
2. *Дегтев Д., Зефирова И.* Все для фронта? Как на самом деле ковалась победа. М., 2009. С. 10.
3. *Скрытая правда войны: 1941 г.: неизвестные документы / сост. П.Н. Княжеский, О.Ю. Васильева, В.В. Высоцкий [и др.].* М.: Русская книга, 1992. С. 264, 265, 267.
4. *Толмачева А.В.* Проблема плена и ее влияние на решение проблемы соотношения потерь противоборствующих сторон на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны // На Запад: сб. ст. Всерос. науч. конф. «СССР во Второй мировой и Великой Отечественной войнах 1939–1945 гг., посвященной 65-летию коренного перелома». Красноярск: СибГТУ, 2008. С. 47, 48.
5. *Скрытая правда войны...* С. 271.
6. *Кирсанов М.А., Дробязко С.И.* Великая Отечественная война. 1941 – 1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. №6. С. 72.
7. *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Великой Отечественной войны. М., 2000. С. 14.
8. *Пережогин В.* Вопросы коллаборационизма и общество. М., 2004. С. 8.
9. *Семиряко М.И.* Судьба советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 22.

10. *Курсанов М.А., Дробязко С. И.* Указ. соч. С. 70.
11. Война Германии против СССР. Берлин, 1992, С. 145.
12. *Семиряко М.И.* Указ. соч. С. 22–23.
13. *Александров К.М.* Из истории насильственной депортации // Россия и Запад. СПб., 1996. С. 227.
14. *Дробязко С.И.* Советские граждане в рядах вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценках молодых: сб. ст. аспирантов, молодых ученых. М., 1997. С. 131–133.

Literatura

1. *Sinicyn A.M.* Vsenarodnaya pomosch' frontu. O patrioticheskom dvizhenii sovetskogo naroda v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945 gg. М., 1985. S. 26.
2. *Degtev D., Zefirov I.* Vse dlya fronta? Kak na samom dele kovalas' pobe-da. М., 2009. S. 10.
3. Skrytaya pravda vojny: 1941 g.: neizvestnye dokumenty / sost. *P.N. Knyazheskij, O.Yu. Vasil'eva, V.V. Vysockij* [i dr.]. М.: Russkaya kniga, 1992. S. 264, 265, 267.
4. *Tolmacheva A.V.* Problema plena i ee vliyanie na reshenie problemy sootnosheniya poter' protivoborstvuyuschih storon na sovet-sko-germanskom fronte v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Na Zapad: sb. st. Vseros. nauch. konf. «SSSR vo Vtoroj mirovoj i Velikoj Otechestvennoj vojnah 1939–1945 gg., posvyaschennoj 65-letiyu korennoogo pereloma». Krasnoyarsk: SibGTU, 2008. S. 47, 48.
5. Skrytaya pravda vojny... S. 271.
6. *Kirsanov M.A., Drobyzko S.I.* Velikaya Otechestvennaya vojna. 1941 – 1945 gg.: nacional'nye i dobrovol'cheskie formirovaniya po raznye storony fronta // Otechestvennaya istoriya. 2001. №6. S. 72.
7. *Okorokov A.V.* Antisovetskie voinskie formirovaniya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. М., 2000. S. 14.
8. *Perezhogin V.* Voprosy kollaboracionalizma i obschestvo. М., 2004. S. 8.
9. *Semiryako M.I.* Sud'ba sovetskih voennoplennyh // Voprosy istorii. 1995. № 4. S. 22.
10. *Kirsanov M.A., Drobyzko S.I.* Указ. соч. С. 70.
11. Война Германии против СССР. Берлин, 1992, С. 145.
12. *Semiryako M.I.* Указ. соч. С. 22–23.
13. *Aleksandrov K.M.* Iz istorii nasil'stvennoj deportacii // Rossiya i Zapad. SPb., 1996. S. 227.
14. *Drobyzko S.I.* Sovetskie grazhdane v ryadah vermahta. K voprosu o chislennosti // Velikaya Otechestvennaya vojna v ocenках molodyh: sbor. statej aspirantov, molodyh uchenyh. М., 1997. S. 131–133.

